
Договор
Юлия Жукова

Договор
Юлия Жукова

Аннотация
Юлия Жукова. Договор
Квенильда
Аритон
Квенильда
Аритон
Квенильда
Аритон

Аннотация

У юной изобретательницы есть мечта. У профессора алхимии есть секрет. Эти двое в новогоднюю ночь оказываются заперты в школе – как раз когда её наводняют слуги хаоса. Поймёт ли Квенильда, с кем связалась, и оправдаются ли страхи Аритона? Всё решит полуночный бой часов!

Юлия Жукова
Договор

Квенильда

Кристалл посреди учительской упорно продолжал светиться, и это означало, что в школе по-прежнему кто-то был. В глубине прозрачного камня танцевали искорки, как снежинки в сувенирной склянке с пряничным домиком и наряженной ёлкой. И почему этому кому-то не хочется вернуться в такой домик, чтобы там, в тепле и уюте, провести новогоднюю ночь? Квенильда бы вот сейчас не отказалась, но как раз у неё такого варианта не было.

Квенильда поступила на работу в Школу под Холмом перед самым началом осеннего семестра, ухватив внезапную вакансию помощника преподавателя артефакторики. Школа на самом деле была не то чтобы под Холмом. Она и была Холмом. Когда-то давным-давно она стояла на Холме — сначала как маленький замок, потом как замок побольше, потом обзавелась крепостной стеной, а внутри неё кучей построек, а потом, когда студенты снова перестали помещаться, какой-то из директоров придумал наращивать её вверх, чтобы не покупать дополнительную

землю и не платить за неё налоги. И вот наращивали её, наращивали, изобретая попутно самую невероятную магию материалов, а потом в один прекрасный день Холм не выдержал, и Школа провалилась внутрь. Пара башен раскатились по склонам, но большая часть здания оказалась под землёй, только на самом верху будочкой торчал главный купол.

Первое время этот купол был единственным входом и выходом, но через пару лет у Школы сменился ответственный по пожарной безопасности и под угрозой утраты бюджетного финансирования тогдашний директор и несколько его замов прокопали множество выходов, так что Холм теперь напоминал дуршлаг. А потом кто-то догадался поставить около выходов киоски с кофе и сэндвичами на радость студентам, потому что очереди в школьной столовой занимали намного дольше обеденного перерыва.

Постепенно ранее безлюдный и отчуждённый Холм с пугающим волшебным замком на макушке порос киосками, фургончиками и палатками с разнообразными закусками, а следом подтянулись канцелярские магазины, подползла на четвереньках одежда, прискакали кроссовки… За какие-то четверть века весь Холм покрылся

разноцветными домиками, окутался туманом цветущих яблонь и подпоясался окружной скоростной трассой, концы которой свисали до двух крупных городов на побережье. Руководство Школы поохало-поахало, возмущённое переменами, но вскоре обнаружило, что при таких удобствах и развитой инфраструктуре может заманить в преподавательский состав не только трудоголиков от науки и бегущих от человеческого общества интровертов, но и всяких публичных личностей, незакатных светил и богов методики. Вот так, погрузившись под землю, Школа расцвела.

Квенильда понимала, что ей несказанно повезло получить здесь работу. Любой преподаватель магии в стране спал и видел себя в форменной мантии Школы под Холмом. Помимо всемирной известности и работы рука об руку с гениями нашего времени Школа привлекала заманчивыми окладами и разнообразными плюшками для персонала. Однако у Квенильды были амбиции.

Квенильда изобретала артефакты.

То есть не так, как это обычно пишут в резюме, мол, участвовал в создании двадцать второй модели всем известной штуковины, которую продолжают допиливать, просто чтобы впаривать пользователям что-то новенькое. Нет, Квенильда

собирала артефакты сама, с нуля, из собственной фантазии. И они работали!

Проблема была в том, что для большинства её задумок требовались редкие и очень дорогие материалы, а Квенильда совершенно не представляла себе, с какого конца браться за поиск инвесторов. Поэтому она решила вместо простого, но пугающего пути пойти сложным, но понятным: посвятить свою жизнь науке. Ей следовало защититься, получить полноценный преподавательский статус, примелькаться руководству, и тогда, в представлении Квенильды, в один прекрасный день кто-нибудь обязательно подойдёт и скажет ей: вот вам лаборатория, вот вам материалы, дерзайте! Кто именно и почему должен был принять такое решение, Квенильда пока не заморачивалась. Это была всего лишь маленькая ступень где-то на далёком этапе великого плана.

Однако для того, чтобы план работал, Квенильде нужно было сделать что-нибудь этакое. Сама по себе должность ассистента преподавателя позволяла надеяться на карьерный рост до полноценного преподавателя, но не более, и изобретательством тут не пахло: подготовь материалы, проверь тесты, подскажи запутав-

шимся студентам. Это всё не помогало Квенильде примелькаться руководству, что уж говорить о каких-нибудь богатых гостях. Нет, ей было позарез необходимо создать что-то такое, чтобы прославиться.

К счастью, должность позволяла ей брать школьные материалы — в разумных пределах, поэтому Квенильда трудилась, не покладая рук. И натрудила вот этот кристальный шар, который показывал, есть ли в школе живые существа и какие именно. Люди обозначались золотыми искорками, всякая мелкая нечисть — зелёными, оборотни — красненькими, а демоны — сиреневыми.

Квенильда как раз вернулась с улицы, где раздобыла седьмой за сегодня стаканчик кофе. Ночь предстояла долгая — ещё месяц назад директор обрадовал Квенильду, что как самый новый член коллектива она удостоилась чести дежурить по школе в новогоднюю ночь. Исходно девушка даже обрадовалась: целая ночь в школе! Да не какая-нибудь, а новогодняя! Это единственная ночь в году, когда астральный план смыкается с реальностью достаточно плотно, чтобы можно было накрепко привязать одно к другому. А значит, она могла наконец доработать свой кристалл!

Весь месяц она строгала заготовки, скупала с рук минералы и вымачивала их в зельях, рисовала схемы и учила пассы.

Но чем ближе к Новому году, тем крепче заваривалась атмосфера праздника, и в сегодняшний день Квенильда вошла в расстроенных чувствах. Преподаватели оттрубили утром последние экзамены и стали расходиться, чтобы праздновать со своими семьями, студенты и вовсе разлетелись на каникулы кто куда. Весь Холм сиял и бурлил, закупал подарки и стриг салаты. А у Квенильды был только маленький съёмный домик, который она даже не обустроила толком, проводя почти всё время в Школе, но и туда она не могла вернуться из-за дежурства. Поддавшись всеобщей праздничной суете, она даже приоделась сегодня утром, напрочь забыв о своих планах как следует поработать.

Квенильда решительно тряхнула каштановыми кудрями, отгоняя тоскливые мысли. Кудри надлежало завязать в пучок, на ведьминское, синее с искрой платье надеть фартук и заняться уже наконец чем-нибудь, чтобы скоротать время до тех пор, пока планы реальностей сойдутся. Например, потестировать изобретение века — автоматический изгонятель демонов.

У неё уже был готовый прототип, но он требовал более тонкой настройки, а для этого его следовало опробовать на настоящих демонах, а не искусственно выведенных микробесах, на которых Квенильда тестировала его в процессе создания. Новогодняя ночь — отличная возможность побегать по школе с пулялкой, ведь все люди уйдут домой, а демоны как раз повылезают из своих щелей.

Поскольку Школа на момент провала была очень высокой, то в результате она стала очень глубокой, нижними этажами доставая почти что до верхних кругов Преисподней, и оттого мелкие демоны постоянно лезли из-под земли, чтобы напакостить людям или соблазнить их на что-нибудь вредное. Избавиться от них совсем было почти невозможно, как от тараканов, тем более что нижние уровни Школы постоянно менялись по необходимости, но большого вреда вся эта шушера не приносила, ведь любой преподаватель или старшекурсник мог легко их изгнать при помощи своего сердечного света. Вот первакам и немагическим гостям приходилось несладко, так что Квенильдино изобретение в первую очередь было задумано для них.

Квенильда всмотрелась в кристалл. Ну давайте

уже, выметайтесь все, вас дома ждут салатики… Разноцветные искры кружили так быстро, что разобрать цвет становилось непросто. В новогоднюю ночь вся мелкая нечисть активизировалась, предвкушая святки, да ещё Школа оставалась почти пустая… Но ничего, сегодня Квенильда допилит эту штуковину так, что она станет показывать полноценную схему школы и кто где в ней находится. Надо только дождаться. Вон там вроде бы ещё маячила золотая искорка… Или нет? Погодите, а это что?

Сквозь зелёный смерч Квенильда различила облако сиреневых искр, обозначавших демонов. Конечно, их в школе всегда было какое-то количество, но это облако выглядело так, будто демонов было больше всех остальных обитателей Холма вместе взятых. Где-то портал не закрыли, что ли?

Квенильда вышла из учительской и поспешила в телепортационную. Наверняка кого-то из студентов отправляли домой на другой конец Земли и недозакрыли клапан, вот демоньё и полезло.

Коридор освещали неприятные белые блуждающие огни, свет которых резал глаза и постоянно колебался, поэтому когда в отнорке замаячила какая-то бледная фигура, Квенильда сначала подумала, что почудилось. Но когда она подошла,

оказалось, что там сидел демон — натуральный такой, с бараньими рогами и ослиным хвостом, серовато-белый, только маленький. Сидел и вычерчивал на каменной плите пола какие-то каббалистические знаки.

Квенильда чуть не захлопала в ладоши от радости — этого демона она знала! Точнее, не этого лично, а класс, к которому он принадлежал. А раз она знала класс, значит, могла ввести классовое имя в изгонятель. Трясущимися от ликования руками она набрала нужные символы на бесшумном магокристаллическом экране своей пулялки, прицелилась и… Из ствола вырвалась сияющая паутина, обхватила демона, обволокла его, как кокон, сжалась… ещё сжалась, ещё и ещё — и с маленькой вспышкой исчезла!

— Работае-ет! — пропела Квенильда, прыгая на одной ноге.

В прыжке она немного повернулась и заметила у себя за спиной ещё одного демона. Этот был тёмно-красный, с рогами, как у винторогого козла, и такой же бородкой. Осознав, что его заметили, он тут же дал дёру, высекая копытами искры из камня.

— Ку-уда?! — взревела Квенильда и помчалась следом, на ходу вбивая в изгонятель и это имя.

Вскоре красный демон тоже исчез с маленькой вспышкой.

Вообще в демонах Квенильда ориентировалась хорошо, и не только потому, что задумала создать изгонятель. Просто когда всем нормальным детям родители дарили книжки о динозаврах, Квенильде папа, бывший тогда медиа-консультантом по нелюдям, приволок с конференции целую стопку книг про низших демонов. Каких там только не было! От самых простых, вроде тех, которых она только что изгнала и которые только и могли, что открывать порталы себе подобным, всяких суккубов, полтергейстов, демонов-обжор, которые уничтожали запасы, до серьёзных тварей, насылавших засуху или наводнения, болезни, войны и метеориты.

Конечно, встречаться с особо опасными демонами Квенильде не улыбалось: архонты и архидемоны обычно были или слишком уродливые, или слишком человекообразные, чтобы надолго зацепить её интерес, да и человека пришибить им ничего не стоило, а Квенильда не искала настолько острых ощущений. Но вот посмотреть вживую, например, на демона весенней аллергии или там демона ям в асфальте, не говоря уже о таких красавцах, как демон безудержного

шопинга, она была бы весьма не прочь. Коллекция из сорока скетчбуков, плотно заполненных разнообразными демонами, приехала с ней из родительского дома и получила собственный стеллаж в съёмном коттедже — единственное, что Квенильда там обустроила под себя.

Пока Квенильда добралась до телепортационной, ей удалось вытолкнуть за грань мира шестерых мелких и двух покрупнее, а одного она даже успела заснять перед отстрелом. Однако в зале для телепорта всё было тихо: демоны из щелей не лезли, клапаны были туго завёрнуты, и никаких следов активности не наблюдалось. На всякий случай Квенильда запечатала вход словом покрепче и вернулась в коридор, гадая, откуда же они просочились. Но в коридоре её уже поджидал рыбохвостый демон нотаций, который сразу попытался занять место у Квенильды за плечом, чтобы оттуда нашёптывать, как она всё делает неправильно.

Квенильда пальнула по нему, но паутина прошла прямо сквозь него. Значит, в имени ошиблась. Этих тварей довольно много подвидов, и не сразу сообразишь, с каким имеешь дело. Квенильда попробовала ещё парочку — безрезультатно, но демон смекнул, что ему тут не

рады, и принялся удирать. Квенильда помчалась следом.

Отправить эту тварь за грань ей удалось только в глубоких подземельях. Конечно, вся школа была в некотором смысле подземельем, но за время её существования внутри Холма сотрудники постепенно прокопали помещения ещё глубже, чем провалившийся когда-то фундамент — в основном по инициативе руководства, но кто-то и втихую своими силами. Поэтому если вся остальная школа имела единое убранство средневекового замка, то тут каждое помещение создатели украшали кто во что горазд, и на схемы эти помещения попадали не всегда. А меж тем именно здесь демоны появлялись в первую очередь.

Сейчас Квенильда обнаружила себя в комнате с японским убранством — циновки на полах, низкие столики и свитки с каллиграфически выведенными стихами на стенах. Она медленно обошла всё помещение, заглядывая в тёмные углы, где могли бы прятаться демоны. На полу она заметила круг призыва — похоже, кто-то из мелких тут уже позвал свою братию. В норме эти пакостники не могли призвать никого опаснее самих себя, но сегодня была новогодняя ночь, и

астральный план плотнее смыкался с реальностью, позволяя им открывать порталы тварям посерьёзнее.

Квенильда затёрла символы ногой. Один из свитков на стене качнулся. Она навела на него изгонятель и приготовилась стрелять, как только тварь покажется. Но тварь оказалась проворнее: выскользнула вниз по стене масляно-блестящей многоножкой и юркнула под ближайшую дверь. Квенильда сплюнула проклятье и, в два шага оказавшись у двери, рванула ручку.

Аритон

Аритон Бельфегор отряхнул руки и вернулся за стол. Итак, ещё раз: что этот выскочка Галлад предлагал делать после добавления заговорённого цинка? Где это было? Ага… Он поводил пальцем над экраном планшета с открытым описанием эксперимента, ища ту строку, на которой его оторвали. Так, после цинка следовало подвергнуть зелье воздействию ледяного дыхания… Аритон поднял взгляд на пробирку, сел поудобнее, выпрямил шею и контролированно дыхнул. Пробирка покрылась инеем, а из жидкости внутри выпал осадок.

— Та-ак, похоже… — пробормотал Бельфегор и снова глянул в текст. — Теперь жидкость надо слить…

В этот момент в противоположном углу кабинета что-то грохнуло так, что пробирка подскочила. Подскочил и Аритон. Деревянная стеновая панель лежала на полу плашмя, а в открывшейся за ней пустоте стены скорчился мелкий бес зеленоватой окраски. Аритон ругнулся сквозь зубы и потянулся за фиалом с сердечным светом. Это

был уже пятый демон за последние два часа, и откуда они только лезут?! Он вышел из-за стола и кастанул изгоняющее заклинание прямо в любопытное рыло твари. Сердечный свет оставлял на пальцах неприятный налёт, так что Аритон снова их отряхнул и сел обратно читать статью, но пока он вспоминал, на чём закончил, осадок в пробирке распался в песок, а жидкость снова помутнела.

— Чтоб вам вечно вести стенограмму на судах Самаила, — ругнулся Аритон и потянулся за новой пробиркой, но тут дверь его кабинета распахнулась.

На пороге стояла девица — вчерашняя студентка. В длинном тёмном, явно вечернем платье, подчёркивавшем приятные глазу округлости, с неопрятным пучком на голове, из которого уже выпала половина прядей, с круглым личиком и тёмными глазами, которые яростно таращились куда-то вниз. В руках у девицы была какая-то помесь водяного пистолета с магическим жезлом. Прежде чем Аритон успел что-то сказать, странное устройство пошло в ход: девица развернула его стволом-жезлом вниз и пальнула. Сияющий снаряд, долетев до каменных плит, распластался паутиной, опутал что-то длинное и извивающее-

ся, но удержать не смог. Многоножка вырвалась из захвата и почесала прямо к столу Аритона. Он быстро огляделся в поисках фиала с сердечным светом, но понял, что поставил его обратно на полку и не успеет дотянуться вовремя. К счастью, многоножка не полезла на стол, а прошмыгнула под ним и рванула вверх по стене, нацелившись на вентиляционное отверстие.

— Чтоб по тебе прошлись все легионы Валака! — воскликнула девица и принялась тыкать в экранчик, примотанный сантехнической лентой к одному из концов жезла. — Попробуем «Малефарит».

Она снова пальнула по многоножке, и та шмякнулась со стены на крышку шкафчика, спелёнутая коконом, но снова вырвалась и почесала дальше.

— Да кто ж ты?! — возопила девица.

— Саргатанит, — сообщил ей очевидную информацию Аритон. Кто кроме исчадий Саргатана мог принимать форму насекомых?

— О! — девица, похоже, только теперь его заметила, но тут же уткнулась в экранчик. Несколько нажатий, и ей всё же удалось попасть в многоножку, прежде чем та юркнула в вентиляцию. На сей раз паутина не только спеленала тварь, но

и сжала до размеров крупной жемчужины — а потом вспыхнула и исчезла.

— Здравствуйте, — сказала девица и вытерла лоб рукавом сверкающего платья, прилепив себе на лицо лохматую прядь. — Извините, я не знала, что тут кто-то есть. Я это… дежурю по школе сегодня, а тут твари полезли…

Аритон поджал губы. Дежурная — значит, преподаватель. Он не любил преподавателей. Он и студентов-то несильно любил, но те после первых пары семинаров начинали смотреть ему в рот и относиться с уважением, хоть и далеко не таким глубоким, какое ему полагалось. А вот преподаватели обычно считали себя выше расшаркиваний с кем-то вроде него. Эта вон вломилась к нему в кабинет, как к себе домой. Уж не подозревает ли она чего-нибудь? Ему очень не понравилось, что в его кабинет врываются вооружённые люди.

— Квенильда Тиндалл, — сообщила она, как будто его волновало, как её зовут. Ещё и руку протянула. Нет, это было за гранью добра и зла. За кого она его принимала?!

— А, ой, извините, — опомнилась девица. Аритон только обрадовался, что она сообразила, насколько неуместно себя вела, но глянул на свои руки и чуть не проклял всю школу на семь лет

вперёд: в попытке спасти эксперимент он схватил пробирку с жидкостью и, похоже, расплескал, так что теперь его руки покрывала мутная жижа, слегка светящаяся от контакта с его плотью. Прошипев невнятное ругательство, Аритон бросился мыть руки.

Едва он закончил, как услышал сдавленный вопль. Он обернулся. За распахнутой настежь дверью стоял огромный бык с маленькой человеческой головой, изо рта которой вырывались вперёд кабаньи бивни, а из затылка — буйволиные рога. Девицы Аритон не видел, но химера рычала на кого-то в углу японского холла. Как ни не любил Бельфегор преподавателей, позволить демону сожрать кого-то из них он не мог — условия договора не позволяли. Даже если эта девица угрожала самому его договору, её надлежало защитить.

Вздохнув о том, что, возможно, придётся выкопать ещё более глубокое и скрытое помещение для кабинета, Аритон выпустил из рук полотенце, пересёк кабинет и подошёл вплотную к быку. Тот не обратил на него никакого внимания, поглощённый испуганной жмущейся к стене… поправочка: тихо чертыхающейся над своим странным устройством девицей. Кажется, она во-

обще не понимала, какая опасность ей грозила.

Бык ринулся. Аритон стремительным движением ухватил его за рог и дёрнул на себя. Тварь сложилась пополам, как ей бы никогда не позволил настоящий позвоночник, но демонические тела обладали гораздо большей гибкостью. В два движения Аритон перевернул быка на спину и смотал ему ноги его собственным хвостом, а потом заткнул туда же под хвост один рог, так что бык никак не мог двинуться и только шипел и плевался.

— Какой это класс? — спросила девица, всё ещё возившаяся со своей пулялкой.

Аритон окинул её презрительным взглядом.

— Это архонт.

Девица вытаращилась и наконец-то побледнела.

— Архонт?! В школе?!!

Аритон снова оглядел скрученную тварь и почесал в затылке рукой, которой не придерживал её зловонные ноги в воздухе. Действительно, какого дьявола? Сегодня и так какое-то нашествие демонов, но прежние были мелкие, максимум легионеры вроде того саргатанита. А тут целый архонт…

Девица меж тем обошла его сбоку и всмотре-

лась в уродливое лицо твари.

— Это М-Моракс? — опасливо спросила она. Заслышав своё имя, тварь забилась.

— Ну да, — вздохнул Аритон.

Девица снова покосилась на него, причём как-то странно, но потом подняла своё кустарное устройство и набрала на сенсорном экране имя архонта. Прицелилась в упор и пальнула. Пальцы Аритона обожгло сердечным светом, он поспешно отдёрнул руку и спрятал её за спиной, глядя, как паутина сжимается и наконец исчезает вместе с пленником.

— Что это у вас? — спросил Аритон, чувствуя себя некомфортно рядом с устройством, способным без видимых усилий вынести архонта.

— Изгонятель демонов, — гордо сообщила девица. — Моё изобретение.

В сознании Аритона тут же выстроилась ассоциативная цепь: изобретение — эксперименты — подопытный материал.

— Так это вы нагнали полные подземелья тварей?!

— Я?! — возмутилась девица. — Я понятия не имею, откуда они взялись! Нет, я не против опробовать пилотную модель в действии, но мне для этого нужно их не больше, чем обычно есть

в школе. Я думала, кто-то в телепортационной клапан не закрыл, но там всё чики-поки. А твари вообще везде, я как от учительской начала, так досюда и дошла, и всю дорогу кого-то изгоняла!

Аритон нахмурился. Он-то думал, это в подземельях какая-то щель открылась, но если они по всей школе… Он прищурился, припоминая что-то, оброненное деканом при их последней встрече вчера.

— У вас есть расписание? — спросил он девицу.

Квенильда

Квенильда похлопала себя по карманам — вернее, по тем местам, где они обычно были, но не в вечернем платье, которое она рассеянно натянула сегодня, поддавшись новогоднему настроению. Неизвестный профессор закатил глаза и пошёл обратно в свой кабинет.

Он так и не представился, но Квенильда решила, что он профессор именно из-за наличия кабинета, а ещё потому что он сразу определил архонта. Она вот, пусть и увлекалась демонологией, даже не подумала, что может встретить такую могучую тварь. А этот не только сразу всё понял, но ещё и согнул архонта в бараний рог, хотя тот, по идее, мог одним рогом поднять всю школу или что-то в таком духе. У мужика, не иначе, могущество архангела, раз он так легко с ним справился.

Квенильда ещё раз окинула неизвестного профессора взглядом. Он был выше среднего, с чёрными блестящими волосами и смуглой кожей кирпичного оттенка. Большие чёрные миндалевидные глаза смотрели снисходительно вдоль

прямого носа. Что-то в нём было от греческой фрески.

Подойдя к столу, он нагнулся и, раскидав в стороны какие-то бумаги, выкопал ноутбук, открыл его и принялся что-то там искать. Квенильда засмотрелась на его спину: под тонкой белой рубашкой отчётливо проступали мышцы, красиво перекатываясь, когда профессор двигал рукой. Между лопаток лежала недлинная косичка, перехваченная чёрной бархатной ленточкой с милым бантиком. Квенильда перевела взгляд ниже, на тёмные брюки, прежде чем спохватилась, что пялиться на зад коллеги неэтично, какая бы у того ни была прекрасная форма. У коллеги, то есть. Да-да, у коллеги.

— Ну конечно, — протянул коллега певучим, маслянистым голосом, почему-то наводившим на мысли о ладане и дьяконах. Квенильда поспешно перевела взгляд на экран ноутбука, где было развёрнуто расписание недели. Профессор указывал полированным ногтем на блок, обозначенный как «Гоетия пересдача 4-й курс».

Квенильда схватилась за голову. Это значит, сегодня с утра кто-то поставил экзамен по гоетии, да ещё и для двоечников! Понятное дело, они напризывали чёрт знает кого, а потом не смогли

изгнать!

— Это кто же меня так подставил?.. — выпалила она.

Профессор кликнул по квадратику расписания и продемонстрировал ей имя ответственного лектора, но оно ей ничего не сказало. Зато ниже шёл список студентов с указанием номеров билетов, успехов и совершённых ошибок — очевидно, у профессора был доступ к этим данным в отличие от самой Квенильды. И она повторно схватилась за голову.

Правильный и успешный призыв демона назывался инвокацией, и в списке это слово мелькало через раз. А вот успешное изгнание демона — ревокация — почти не появлялось. Зато там было много других интересных слов…

— Что такое экивокация? — хмуро спросил профессор, глядя в экран.

— Это когда хотели призвать одного демона, но оговорились и призвали другого, — несчастным голосом ответила Квенильда. Профессор вздрогнул так, будто уже забыл о её присутствии, но, быстро глянув через плечо, продолжил:

— А остальное?

— Ну… — Квенильда развела руками. — Провокация — это когда демона призвали с некор-

ректным обращением, и он явился разъярённый. А релокация — это когда пытались совершить ревокацию, но вместо того, чтобы изгнать демона обратно на астральный план, просто переместили его куда-то в недоступное место… Например, в полость в стене или какой-нибудь сто лет назад запертый чулан…

С минуту они оба с тоской изучали список из нескольких сотен имён и стоящих напротив них ошибок. Судя по этому списку, в школе сейчас было не меньше сотни демонов, и по крайней мере половина из них — взбешённые, а треть запрятаны в такие места, куда и не подлезешь без демонтажа.

А потом у Квенильды возник вопрос: что это за профессор такой, который с первого взгляда узнаёт архонта и может удержать его одной левой, но при этом не знает типичных ошибок в гоетии? Как он учился тогда?

— А вы… что преподаёте? — невпопад спросила она.

— Алхимию, — бросил он, как будто большое одолжение сделал. — У вас есть идеи, как…

Но прежде чем он успел договорить, из-за шкафа выпросталась огромная членистая нога и чуть не огрела его по голове. Профессор схватил

её и дёрнул на себя. Шкаф покачнулся и начал заваливаться. Перед глазами Квенильды встала катастрофическая картина — колбы с неизвестными зельями, сыплющиеся на пол, брызги стекла и кислоты, реакции с возгоранием… Она подлетела к шкафу и со всех сил толкнула его обратно к стене. Что-то хрустнуло, чавкнуло, и нога в руке у профессора перестала дрыгаться.

Он с отвращением дёрнул губой.

— Можно, пожалуйста, не давить тараканов моей мебелью?

— Я боялась, что что-нибудь разобьётся… — принялась оправдываться Квенильда и поморщилась от смрадного запаха из-за шкафа.

— Там одежда, — снисходительно заметил профессор, выпустив мёртвую ногу. — Шкафы с бьющимся прикреплены к стене.

Квенильде стало неловко, хотя, чёрт побери, откуда она могла это знать и почему бы не прикрутить к стене платяной шкаф тоже?!

Профессор тем временем взял с полки какую-то склянку, вытряхнул из неё на пальцы несколько сияющих капель, потёр руки и сделал сложный пасс. Нога и запах исчезли, а шкаф встал прямее.

— Что это? — заинтересовалась Квенильда.

— А на что похоже? — огрызнулся профессор

и уселся за стол с таким видом, будто аудиенция закончена.

— На сердечный свет, — честно сказала Квенильда. Но вопроса это не отменяло: сердечный свет в людях вырабатывался сам, если только ты не какой-то закоренелый серийный маньяк или там, скажем, диктатор, устроивший геноцид пары народов… Хотя даже и тогда что-то оставалось. Очень редко человек мог так прогнить, чтобы вообще лишиться света. Так почему профессору потребовалось брать его из баночки?

Наверное, этот вопрос отразился на лице Квенильды, потому что профессор нехотя пояснил:

— Я экспериментировал с зельем, которое требует очень много сердечного света. Поиздержался.

Квенильда припомнила светящееся зелье на руках профессора и успокоилась. Однако что ж это за ядрёная жидкость, что создателя выкачивает до дна? Должно быть что-то ужасно действенное, иначе не окупится.

— Хотите, поделюсь? — предложила Квенильда. Жалко же человека — остаться вовсе без сердечного света, да ещё в новогоднюю ночь!

Профессор почему-то вздрогнул и будто собрался отказаться, но потом кивнул на полку.

— Нацедите в фиал. Гм, если не сложно.

Квенильда снова удивилась, но потом подумала, что зелье может иметь остаточный эффект, и всё, что она даст профессору, тут же сгорит. Однако ей не понравилась его манера.

— Не сложно, если вы наконец вспомните о манерах и хотя бы представитесь, — улыбнулась она, уже протягивая руку к баночке.

Профессор прожёг её таким взглядом, что адское пламя показалось бы болотной гнилушкой в сравнении, но тут же отвёл взгляд, будто смутился. Помялся и со странной интонацией процедил:

— Аритон.

— Это имя или фамилия? — хмыкнула она и залила фиал дополна.

— Имя, — ещё неохотнее ответил он.

Квенильда поставила флакон обратно на полку. Рядом с ним там стояли несколько книг по алхимии и лежал помятый листок с расписанием на истёкший семестр. Вверху листка значилось «Аритон Бельфегор». Что ж, если профессор предлагал сократить дистанцию, Квенильде было несложно обращаться к нему по имени, хотя флиртовал он из рук вон плохо. Она оглядела остальные полки и заметила несколько томов по

высшей демонологии, но все какие-то уж очень заумные.

— Приятно познакомиться. А нет ли у вас случайно справочника по высшим демонам?

Бельфегор замер и широко раскрыл смежённые было веки. На фоне его смуглого лица белки глаз ярко контрастировали с чёрными радужками.

— А вам… зачем?.. — медленно спросил он, как будто Квенильда попросила у него рецепт смертельного яда.

— Ну, — она развела руками, жестом обозначая всё здание школы. — Тут могут быть ещё архонты, а мне надо всех изгнать. Низших-то я по классам знаю, со второй-третьей попытки угадываю, но если попадётся кто-то из высших, там надо точно знать имя, иначе изгонятель не сработает. А я архонтов так прямо в лицо не определю.

Профессор Бельфегор медленно поднялся из кресла, и в его движении Квенильде почудилось что-то от кобры, выцеливающей добычу. Она нахмурилась, соображая, чем могла оскорбить красавца-алхимика. Потом на всякий случай взглянула через плечо, проверяя, не сидит ли там какая-нибудь тварь.

— А как работает ваш прибор? — струящимся, как шёлк, голосом спросил Аритон Бельфегор.

Квенильда обрадовалась и пустилась в объяснения. На пальцах в воздухе это было непросто, поэтому она решила показать — подошла к столу и уложила изгонятель прямо поверх стопок документов. Профессор при этом снова вздрогнул — наверное, боялся, что изгонятель пульнёт во что-то бьющееся. Однако когда она разобрала устройство и наглядно пояснила, что за что отвечает, Бельфегор успокоился и даже задал несколько толковых вопросов.

— Значит, изгнать может демона любого класса… — протянул он. — А в чём ограничение? Сердечный свет?

— Свет-то не особо, — задумчиво протянула Квенильда. — Во всяком случае, для меня. Я посчитала, в сутки я могу пару миллионов низших изгнать. Вот с архонтами хуже — может, сотню или около того, если их вообще есть столько.

— А архидемонов, значит, парочку… — пробормотал Бельфегор.

— Угу, если узнаю, — вздохнула Квенильда. — Я как-то не интересовалась никогда высшими. Уж очень там всё тёмное и опасное, да и выглядят они… так себе. Низшие-то обычно забавные, я их рисовать люблю. Ну, то есть, — Квенильда спохватилась, что он сейчас опять её заподозрит

в организации нашествия, — на плане реальности никаким демонам не место, и я их всегда изгоняю, если вижу, но перед этим безобидных можно и нарисовать.

Взгляд профессора стал ещё более подозрительным.

— Так есть какие-то ещё ограничения? — уточнил он, и Квенильда одёрнула себя: она тут не хобби своими хвастается, а планирует зачистку школы.

— Количество выстрелов, — скривилась она. — На каждый уходит одна искра феникса. Вон, видите, они в колбочке?

Профессор максимально осторожно двумя пальцами поднял колбу с искрами, держа её подальше от лица, как будто они могли оттуда выпрыгнуть. А даже если бы и выпрыгнули, для людей они безвредны! Но приопущенные ресницы алхимика напряжённо дрожали.

— Понятно, — сказал он, бережно укладывая колбу обратно на стол и поспешно убирая руку. — Вы звонили директору?

— Ой, нет… — растерялась Квенильда. — Не до того было, сразу стала изгонять.

— Я позвоню, — коротко ответил Бельфегор, не комментируя её нерасторопность.

Квенильда принялась собирать изгонятель обратно, в то время как Бельфегор встал из-за стола и стал расхаживать по кабинету, держа трубку у уха. Похоже, никто не отвечал. Профессор попробовал ещё пару номеров — с тем же результатом.

— Новый год… — подала голос Квенильда. — Наверное, все всё выключили.

— Похоже на то, — скривился Бельфегор.

— Тогда пойду-ка я в библиотеку, — вздохнула она, залепляя сантехнический скотч.

— Зачем? — нахмурился профессор.

— За справочником по высшим демонам, — развела руками с изгонятелем Квенильда. Профессор дёрнулся и отошёл куда-то ей за спину. — А то мало ли, кто мне тут встретится.

— М-м, послушайте, у меня есть вариант получше, — внезапно воодушевлённым голосом пропел Бельфегор. — Я хорошо знаю высших демонов. И низших тоже, впрочем. Давайте я просто пойду с вами и буду вам подсказывать? А то если вам встретится ещё какой-нибудь архонт, вы можете и не успеть книжку пролистать, они, знаете, опасные.

— А вы не против? — изумилась Квенильда. До сих пор профессор всем своим видом показывал, что ему её проблемы до лампочки.

— Ну, — он скривил точёные губы. — Раз уж так вышло… Мне, э-э, религия не позволяет отправлять юных дев на верную смерть.

Квенильда смерила его взглядом. Он, наверное, был старше неё, раз уже дорос до профессора, но на вид она бы так не сказала. Ладно, хочет строить из себя умудрённого старца — его дело. А помощь и правда будет нелишней, хотя Квенильда на самом деле сомневалась, что ей попадутся ещё архонты. Ну сколько их реально могли призвать двоечники?

Зря сомневалась.

До лестницы они добрались без приключений: Квенильда расстреляла нескольких мелких демонов думскроллинга, парочку — парковки на пути и одного жирного легионера невкусного кофе. Однако стоило преодолеть первый пролёт, как из тени выступила человекообразная фигура. Квенильда напряглась: ладно алхимик у себя в подземельях засиделся, он небось дня от ночи там не отличает, что говорить о датах, но этого-то куда понесло? Да ещё в полурасстёгнутой алой шёлковой рубашке навыпуск поверх таких узких джинсов, что они казались нарисованными.

— Сударыня, — проворковал он с придыханием, растянув в улыбке чересчур красные губы. Сук-

куб? Но у тех всегда есть какие-то звериные черты — рога, копыта, уши или хвост, на худой конец крылья. А этот выглядел совершенно как человек, разве что слишком идеальный. — Девушке не стоит одной бродить по тёмным коридорам ночью. Позвольте проводить вас в более гостеприимное местечко?

Квенильде почудилось в его глазах адское пламя. Ну уж нет. Она отступила на шаг и, не поворачиваясь, прошипела в темноту:

— Кто это?

— Зепар, — прошептали из темноты. Красавчик в алом дёрнулся, как будто его ударили током, но Квенильда уже вбивала его имя в изгонятель.

— Ах ты!.. — воскликнул он и бросился вперёд, ласточкой слетая по лестничному пролёту. Справа из темноты сверкнули алым отсветом глаза Бельфегора, и тут же Квенильда оказалась в полной темноте, если не считать света экрана. Но она даже удивиться не успела: в следующую секунду тьма рассеялась, а Зепар расстелился на ступенях у её ног. Квенильда выстрелила ему в лицо и подождала, пока паутина сделает своё дело.

— Гм, — как-то вымученно кашлянул Аритон. — Может быть, мне стоит идти первым. Как я уже сказал, некоторые демоны весьма опасны.

— Это опять был архонт, да? — нахмурилась Квенильда и с уважением посмотрела на Бельфегора. Всё-таки он невероятно крут, если так легко уделал уже второго архонта. — Выглядел, как суккуб.

— Это был великий герцог, и он едва не наслал на вас проклятие бесплодия.

Квенильда присвистнула.

— Этак и на архидемона наткнёмся, — протянула она. Аритон приуныл. Наверное, с архидемоном ему будет не так легко справиться. Но в глазах Квенильды это ничуть не умаляло его заслуг. Наоборот, на душе как-то потеплело, когда он не стал жаловаться или искать оправданий. — Да вы не волнуйтесь, моя машинка всех изгонит, лишь бы успеть имя ввести!

— А вас совершенно не смутило его человеческое обличье? — спросил Аритон. Он что, переживал по этому поводу?

— Так человекообразные демоны — самые опасные! — просветила его Квенильда. — От них в первую очередь надо избавляться! Мало ли что рожа смазливая, я же не дура, чтобы на такое повестись!

Аритон почему-то приуныл ещё больше, и Квенильда с трудом сдержала порыв похлопать

его по плечу.

Пока они с профессором добрались до столовой, Квенильда изгнала четверых архонтов, причём троих из них Бельфегору пришлось сначала обездвижить. Он делал это ловко, как будто ему это ничего не стоило, но разок его всё-таки укусили. Квенильда кинулась было за аптечкой, но профессор заверил её, что укус неглубокий. И правда, кровь не текла, хотя зубки у твари были что у твоей пираньи. На душе у Квенильды всё больше теплело, её прямо-таки распирало от благодарности, что ей повезло заполучить в эту ночь такого могущественного партнёра, а от его стоицизма в её сердце распускались светящиеся цветы умиления.

Однако помимо архонтов им попалось с полсотни старших легионеров — то есть низших демонов, но весьма проворных и сильных. Их Квенильда определяла с точностью до трёх имён, а потому у них было бы до двух попыток её сожрать прежде чем она подберёт правильное, и вот тут мгновенные подсказки Бельфегора очень помогали. Сожрать его почему-то никто не пытался.

В столовой обнаружился только какой-то мелкий демон ночного жора, которого Квенильда

истребила прежде, чем он наслал на неё свои чары, так что перекусывать столовскими остатками её не тянуло. В демонах наступило затишье, и они с Бельфегором присели перевести дух и подумать. Профессор таращился в окно, как будто впервые его увидел.

Поскольку Школа ушла под землю, окон у неё было не так уж много, во всяком случае, настоящих. Но столовая оказалась у самого крутого склона Холма, так что там решили прокопать дыру побольше, в результате чего одна из стен превратилась в панорамное окно с видом на небольшой палисадник и крыши внизу. На этом же склоне, но много ниже, разлеглась главная площадь города, и сейчас на ней пускали ранние пробные фейерверки. Квенильда глянула на часы — дело было к одиннадцати. А ей ведь ещё кристалл дорабатывать…

— Как вы думаете, — спросила она, — сколько их ещё осталось?

— Судя по спискам, ещё с полсотни как минимум, — вздохнул он, всё так же неотрывно глядя на салют. Квенильде очень захотелось взять его за руку и вывести прямо в окно наслаждаться праздником, но у неё был профессиональный долг. — Однако многие умеют открывать порта-

лы для своих, а сегодня новогодняя ночь, так что они могли наприглашать ещё столько же.

Квенильда застонала.

— Устали? — профессор наконец покосился на неё.

— Нет, просто у меня ещё дел полно! На стыке годов планы реальностей сходятся, а у меня изобретение одно как раз от этого зависит! Мне работать надо, а не вот это вот всё! — она махнула изгонятелем в руке.

Бельфегор зябко передёрнул плечами. Наверное, рубашка у него была совсем тоненькая — Квенильде в платье казалось даже жарковато.

— Ну, а в ваши обязанности как дежурной разве входит изгнание демонов? — уточнил он.

Квенильда задумалась.

— Я должна следить, чтобы никто ничего не напортил… А они это могут. Представляете, придём после каникул, а тут через шаг ловушки… За несколько дней они сковырнут печати и с лабораторий, и с канализационных труб.

— Можно наложить заклятие заморозки на всю школу, — задумчиво предложил профессор. — И пускай директор потом вызывает профессиональную зачистку.

— Это ж сколько звёздной пыли потребует-

ся?! — ужаснулась Квенильда. — Меня директор закопает под подземельями, если я столько возьму.

— Я вам дам, — невозмутимо пообещал Бельфегор.

Квенильда уставилась на него новыми глазами. Вроде одет как все, никаких бриллиантовых пуговиц…

— Она… очень дорогая, — осторожно заметила Квенильда.

— У меня… есть источник, — тоже аккуратно сформулировал профессор. — Скажем так, она мне достаётся бесплатно.

Квенильде это совсем не понравилось. Бесплатно звёздная пыль на дороге не валяется. Либо её где-то крадут, либо несанкционированно добывают, что по сути одно и то же. Она совершенно не хотела принимать в этом участия. С другой стороны, если в школе было больше сотни демонов и всё время прибывали новые, она не сможет всех изгнать сама, даже с помощью Бельфегора, который, похоже, надеялся поскорее закончить. Да и работу жалко… Не говоря уже о том, что если она быстро управится со всеми делами, у неё ещё будет шанс отметить Новый год в компании привлекательного алхимика, а то и поближе

познакомиться с его форм… формулами. И тут её осенило.

— Я же могу посмотреть, сколько их! — воскликнула Квенильда и вскочила на ноги. Мало ли где коллега мог бесплатно получать звёздную пыль, если она даровала шанс провести остаток ночи за более приятными занятиями. — Пойдёмте в учительскую. Если их чуть-чуть, добьём, а если и правда больше сотни, заморозим до после праздников!

Профессор, кажется, воодушевился.

— А как вы посмотрите?

Квенильда собиралась ответить, но тут в дверь прошмыгнул демон сквозняков и сразу же рассыпался на много маленьких демонят, так что Квенильде пришлось как следует поохотиться, а потом на лестницу между ступенек вытек демон упавшего мороженого… В общем, так они и дошли до двери учительской, отстреливаясь.

Аритон

Учительскую отделения артефакторики освещал большой прозрачный кристалл условно круглой формы, стоящий на подставке посреди стола. Опасная фанатичка, с которой Аритон на свою голову связался, тут же кинулась к нему.

— Что именно вы хотите сделать? — нервно спросил он. Вроде бы она говорила что-то про количество демонов в Школе, но как знать, вдруг она сейчас изобретёт оружие массового поражения? Аритон уже заметил, что с каждым изгнанным демоном сердечного света в девице становилось больше, а не меньше. Такое бывало только у религиозных маньяков, которым сам акт очистки мира от скверны доставлял неземное наслаждение.

Она ответила что-то невнятное, слишком увлечённая своим устройством. Бельфегор разглядел в кристалле какие-то искорки, а потом окинул взглядом подготовленные на столе принадлежности. Судя по набору, девица собиралась сшить реальность с астральным планом при помощи обряда Смычки. Новогодняя ночь для этого подхо-

дила как нельзя лучше — это было место начала и конца, точка разрыва цикла. А там, где разомкнуто, легче вставить что-то новое. Он глянул на часы: двенадцатый час. Максимальная смычка планов настанет в полночь, но для небольшого изменения уже сейчас благоприятные условия.

Девица обложила кристалл схемами, репродукциями могущественных символов и минералами с разных сторон света. Аритон облизнул губы. Ему бы такой набор, да ещё ту цистерну сердечного света, что плескался в этой барышне… Это бы решило многие проблемы. Сам-то он не мог поездить по миру и собрать нужное, а некоторые из символов не смог бы нарисовать. Он завёл руку за спину и сложил пальцы в жест силы, прикидывая, как бы её так усыпить, чтобы не стукнулась головой, когда упадёт. Но стоило ему об этом задуматься, как от живота во все стороны по телу пробежала волна могильного холода, пронизывая болью его плоть. Он не согнулся пополам с воплем только потому, что на мгновение онемел и закаменел, как соляной столб.

«Но я же не хотел ей ничего плохого!» — возмутился Аритон, вот только спорить с тем, с кем он заключал контракт, было давно уже бесполезно. На его могиле дубы подпирали небеса.

Наконец Аритона отпустило. Он встряхнул ноющей рукой, чтобы перестало сводить пальцы. В щель под дверью просочился какой-то мелкий легионер, и Аритон нехотя вытряс на пальцы пару капель сердечного света из фиала, чтобы с ним разделаться.

— Готово! — радостно воскликнула девица, и Аритона чуть не обожгло всплеском её света. — Глядите!

Он неохотно подошёл к столу с противоположной стороны от изобретательницы. В кристалле всё так же мерцали цветные искры, но теперь они уже не кружили хаотично. Присмотревшись, Аритон понял, что внутри этой штуковины, похожей на сувенирный шар со снежинками, устроен макет школы со всеми помещениями до самых глубоких подземелий. Вот, значит, зачем девице был нужен обряд Смычки — чтобы скопировать реальность.

В классах, холлах, на лестницах и даже в толще стен посвечивали искорки. В основном зелёные и сиреневые.

— Зелёные — это мелкая нечисть, — пояснила девица, тыча пальцем в каменную стенку шара. — А сиреневые — это демоны.

Аритон скривился: демонов оставалось ещё

о-очень прилично, и, кажется, они и правда прибывали, причём сразу в нескольких местах. На подступах к учительской формировался полноводный ручей из сиреневых искр, стекающих по лестнице с верхних этажей. Значит, они лезли не из подземелий, чего было бы логично ожидать. Он попытался сосредоточиться на печатях, запиравших Школу от нежеланных гостей, но девица его отвлекла:

— Золотые — это люди. Но их тут только мы с в…

Она смолкла. Аритон всё ещё прощупывал печати и не сразу сообразил, что её смутило. А потом понял: одинокая золотая искорка маячила в макете учительской. Рядом с сиреневой. Девица подняла изумлённый взгляд на Аритона и крепче вцепилась в свою машину уничтожения.

Аритон вскочил и попятился, выставив вперёд руку, которая ему вовсе бы не помогла, вздумай девица выстрелить.

— Я могу всё объяснить! — затараторил он. — Это не то, что вы думаете!

Хоть бы шкаф какой-нибудь стоял посреди комнаты, чтобы за ним спрятаться. А там за спиной двери нет? Он попытался оглянуться, но девица шевельнулась, и Аритон не смог заставить

себя отвести от неё взгляд, хотя толку от того взгляда…

— Вы архидемон, — сказала девица без выражения. Похоже, она всё ещё осознавала ситуацию, так что у Аритона была пара секунд на побег. Он принялся бочком подбираться к двери. Девица открыла рот что-то сказать. Дверь была так близко. Ещё шаг, повернуть ручку и…

— Отойдите от двери! — заорала девица, вскакивая и наставляя на Аритона пушку. Он отлетел в другой угол, как отброшенный взрывной волной, и только впечатавшись спиной в стену сообразил, что вовсе не собирался следовать команде.

Она же дежурная — за старшего — обладает полномочиями директора на эту ночь! А слово директора по контракту было законом для Аритона. Потому и имя своё он не мог ей не назвать в ответ на прямой вопрос. Вот это он попал… Похоже, его секунды в этой реальности сочтены.

Дверь прогнулась внутрь и разлетелась щепками, а из-за неё, как от взрыва яйца в микроволновке, комнату залепило ошмётками и скорлупой, только это всё были демоны. Мелкие и крупные, мягкотелые и панцирные, с рогами, клыками, когтями и драконьими гребнями, они набились

ровным слоем на стены и потолок, подобно уродливой инкрустации. Они рычали, капали ядовитой слюной и сверкали жадными глазами. Аритон только что осознал, что остался рядом с единственным человеком в замке, под крышу набитом демонами. И только его собственная сила не выпускала их наружу, где они могли бы осквернить весь город. Аритон не мог себе позволить развоплотиться. Но и бросить девицу на растерзание тварям он тоже не мог — контракт, контракт!

Квенильда принялась стрелять. Она что-то перенастроила в своей машине, так что теперь ей удавалось вынести сразу целый сектор стены или потолка, если там кучковались демоны одного класса. Но судя по яркости вспышек, искра феникса всё равно тратилась на каждую тварь отдельно. А тем временем в развороченный дверной проём вступил великий герцог Абигор. Он был в человечьем обличье, а на копье в его руке только едва-едва угадывался рисунок змеи. У Квенильды не было шансов его опознать, даже если она когда-то встречала упоминания его в книгах.

Что ж, выбора у Аритона всё равно не было.

Квенильда

Квенильда едва успевала отстреливаться от мелких пакостников, но хорошо понимала, что в этой армии были и высшие чины, которых она не знала в лицо. Она пару раз окликнула Аритона, но он только бешено озирался, как будто искал, куда бы спрятаться. Квенильда не поняла, что его смутило — что он, демонов не видел? Сам же из них, да ещё знает их всех, как родную маму! Но ей было не до анализа его странного поведения, ей надо было отбиваться хотя бы от тех, кого она опознавала.

И тут в дверь вошёл человек. Хотя, конечно, не человек, пусть даже Квенильда бы не смогла сказать, что в нём выдавало его адскую сущность, только воротило от него, как от горы навоза. В комнате будто даже стало темнее. Она понятия не имела, кто это.

Но прежде чем она успела запаниковать, Аритон выступил вперёд, преграждая незнакомцу дорогу. Они обменялись парой фраз на неизвестном Квенильде языке — шипящем и рычащем, — а потом внезапно сцепились. У Кве-

нильды помутилось перед глазами — вот только что эти двое стояли в дверном проёме, а теперь уже катаются по полу. Ей мерещились чёрные крылья и ослиные хвосты, но тут же вместо них вспыхивали сполохи адского пламени. Одни образы накладывались на другие, как будто сознание не могло определиться, что оно видит. Квенильду замутило.

— Кто это?! — заорала она. — Назови имя!

— Аритон, он же царь Севера Эгин, он же князь ада Ваал-Фегор! — прозвучал чужой голос, настолько неприятный, что Квенильду согнуло пополам судорогой от этого звука. Но если этот гад надеялся, что она будет стрелять в Аритона, то он, должно быть, на пути из ада последние мозги растерял.

Квенильда, почти не задумываясь, изгнала ещё несколько десятков тварей попроще, пока они к ней не подобрались, и снова позвала Аритона. Герцог или кто он там был, с кем Аритон дрался, похоже, одерживал верх. Неужели всё-таки архидемон? Квенильда сглотнула подступившую желчь от омерзительного запаха и подёрнувшейся рябью реальности. Новый год же… Если они вылезут из Школы… Она закрыла нос рукавом и постаралась дышать поглубже, соображая,

что делать. Разрозненные образы конечностей, человеческих и звериных, мелькали перед глазами, перемежаясь чем-то вроде статического шума прямо вживую. Но Квенильде удалось-таки рассмотреть, что герцог принял другую форму, полупрозрачную, с просвечивающим сквозь плоть скелетом, а вот Аритон оставался в человеческой. Почему?

Если он работал в Школе — а он работал, Квенильда видела у него листок с расписанием с его именем и печатью из деканата, такие давали только преподам, — значит, наверняка заключал контракт. Скорее всего, лично с директором, потому что заключать договоров с юридическими лицами демоны не могли. И наверняка в этом контракте были какие-то ограничения. Квенильда снесла ещё десяток мелких демонов катающихся по потолку шариков.

Итак, что она знала про Аритона? Герцог сказал — Эгин, царь Севера. Какая у него демоническая форма? Квенильда точно видела пару разворотов, посвящённых Эгину, в одной из своих демонологических книг, но картинки… картинки там не было.

Сверху рухнул огромный демон затопления соседями, похожий на воздушный шар, напол-

ненный водой. Квенильда едва успела откатиться в сторону. Она знала имя его класса, ввела его, пальнула и… Выстрела не последовало. Она нажала на крючок ещё раз, ещё, но изгонятель молчал. Трясущимися руками Квенильда разлепила скотч. Колба с искрами феникса была пуста. А ведь Квенильда залила туда весь свой запас.

Она огляделась, оценивая ситуацию. Кристалл сиял сплошным сиреневым светом. Школа была набита демонами. У Квенильды больше не было изгонятеля, а Аритон проигрывал драку. Одного-двух мелких демонов изгнать руками не проблема, но это занимает время и требует сосредоточения, а тварей тут бездна. Их сожрут. Леденящий ужас этого осознания вызвал в памяти слова о другом ужасе: истинная форма Эгина настолько чудовищна, что призвавший его в настоящем обличье неизменно умирал в корчах от падучей. Значит, наверняка Аритон запечатан в человеческом теле. А распечатать его может только директор. Или… директор же оставил Квенильду за себя. Насколько она знала, как работают контракты… Ай, некогда думать, надо пробовать.

— Аритон, царь Севера Эгин, князь ада Ваал-Фегор!!! — проорала она так громко, как только

смогла. — Прими истинную форму!!!

Тьма с помехами, в которой растворились двое сражающихся, снова дёрнулась, как изображение на неисправном экране, и на мгновение Квенильда увидела спину Аритона, обтянутую белой рубашкой. Мышцы на плечах вспучились, ткань затрещала, и из прорех выпростались осьминожьи щупальца, покрытые светящейся слизью. Квенильда вовремя вспомнила о смерти в корчах, отвернулась, зажмурилась и заткнула уши пальцами. Комнату сотряс чудовищный рёв, переходящий в какой-то металлический лязг, шум радиопомех и вой болгарки размером с диски Сатурна. Квенильда прошептала охранную молитву, а в следующую секунду вокруг неё что-то обвилось. Вздрогнув, она приоткрыла один глаз и тут же узнала новогоднюю гирлянду. На лампочках в этом году решили сэкономить, и вместо электричества в них горел сердечный свет. В праздники это было намного выгоднее. В углу поля зрения мелькнула уродливая тень, и Квенильда поспешно закрыла глаз — даже если Аритон позаботился её дополнительно защитить, это не значит, что она не умрёт в корчах. Сквозь заткнутые уши она слышала скрежет огромных металлических когтей по камню и визг мелких

бесов. А потом всё стихло, кроме шумного дыхания гигантских лёгких.

— Аритон, — пискнула она. — Если ты закончил, то превратись обратно.

Шумное дыхание стихло, и вскоре у неё над плечом прозвучало деликатное покашливание. Когда она обернулась, Аритон стоял у окна, завернувшись в занавеску на манер римской тоги. Похоже, его одежда трансформацию не пережила — так же, как и ленточка в волосах. Теперь они рассыпались по плечам и слабо отблёскивали алым, хотя никакого красного света в комнате не было. На каменных стенах зияли глубокие борозды, а вдоль них была размазана зловонная кровь демонов. Вообще пахло не очень. Квенильда смотала с себя гирлянду и бросила на стул.

— Я поставил блок на дверь, — выдавил Аритон, глядя куда-то вбок и вниз. Квенильда покосилась на выломанный косяк: в проёме висела печать Эгина, переливаясь, как бензиновая плёнка на воде. Квенильда её знала: такие же печати с наступлением ночи проступали на всех входах и выходах из Школы. — Но их там снаружи ещё тьма. И по крайней мере один архидемон.

— Кроме вас? — уточнила Квенильда.

— Ну да, — тихо буркнул Аритон.

— Что вы там говорили про звёздную пыль? — вздохнула Квенильда и поморщилась от смрада.

— Я могу её создавать из любых подручных материалов.

У Квенильды глаза на лоб полезли.

— Вас ради этого связали контрактом?

Аритон наконец-то посмотрел на неё — удивлённо, как будто не ожидал, что она вообще знает о контрактах.

— В том числе. В первую очередь для того, чтобы поддерживать стены Школы от обрушения. Но я могу создавать почти любые магические ингредиенты. Я же… — он неловко развёл руками, — покровитель изобретателей. Был.

— Искры феникса тоже можете? — выпалила Квенильда, уже начиная соображать, как бы такое перевести его контракт на себя, хотя это, наверное, было бы расхищением школьного имущества, а с другой стороны, ещё вопрос, по какому праву его тут закабалили.

Аритон поморщился.

— Могу, но… нужен специальный бокс, чтобы меня не развоплотило в процессе.

Квенильда облизнулась, даже несмотря на мерзкий запах.

— Вы, м-м, — Аритон быстро глянул на неё и

затараторил, — не собираетесь меня изгонять? Я могу показать вам свой контракт, я правда не…

— Ещё чего! — фыркнула Квенильда. — Вы мне очень нужны!

— …представляю опасности для Школы… Что?

— Как вы смотрите на такой вариант, — широко улыбнулась Квенильда, подходя ближе. Аритон, кажется, хотел попятиться, но за спиной у него была стена с окном. — Сейчас мы тут заморозим всю Школу и пойдём праздновать Новый год ко мне?

Аритон шевельнул губами без звука, заворожённо глядя на Квенильду.

— Я думал, вы… идейный борец с демонами.

— Я?! — ужаснулась Квенильда. — С чего вдруг?! Я просто придумала изгонятель, а демонов я люблю рисовать… Кстати, — она сделала ещё шаг вперёд и протянула руку потеребить складку его тоги. — Архидемонов я ещё никогда не рисовала. А на каком месте у вас метка контракта? Мне бы удостовериться…

Точёные губы Аритона напряглись, будто он пытался сдержать усмешку.

— Уж не предлагаете ли вы мне откупиться от изгнания искрами феникса и позированием для портрета? Вообще-то соблазнять — это моя

работа.

— Работайте, — улыбнулась Квенильда.

В чёрных глазах Аритона заплясали алые огоньки. Тут что-то шарахнуло за стеной. Печать выгнулась стенкой мыльного пузыря, но удержалась.

— Прикажите мне, — выдохнул он, и в лицо Квенильде пахнуло жаром.

Она вдохнула поглубже.

— Приказываю. Аритон, царь Севера Эгин, князь ада Ваал-Фегор, заморозь время в Школе и выходи со мной наружу праздновать Новый год!

Он ухмыльнулся и отвесил насмешливый поклон, хотя Квенильда подозревала, что контракт вынуждал его кланяться. Сложив руки в жест силы, Аритон закрыл глаза, и от его солнечного сплетения к стенам учительской потянулись тонкие ручейки звёздной пыли, а каменные плиты на полу стали истончаться — видно, они-то и были подручным материалом. Квенильда поспешно подбежала к столу и сгребла кристалл, изгонятель и все свои ритуальные причиндалы в рюкзак. Стены напитывались холодным колким блеском звёзд, а маленькое окно стало расти, вытягиваться вниз, пока не достигло размеров двери. Даже воздух теперь сверкал, как острые

грани кристалла, и сквозь него становилось всё труднее двигаться. Аритон открыл глаза — чёрные и холодные, как ночное небо. Ледяной рукой он взял Квенильду под локоть и подтолкнул в окно. Шаг через порог — и вот она уже на морозе, прямо в платье и сменных туфлях, и платье холодит и сверкает, как зимние звёзды.

Квенильда обернулась, чтобы побыстрее потащить Аритона к себе домой, а то на таком морозе и магией согреться непросто. Но Аритон застыл на пороге, как будто увяз в кристальном воздухе и не мог шелохнуться. Его рука, протянутая к Квенильде, на глазах становилась прозрачной, и крошечные алые искорки разлетались от неё позёмкой по ветру.

— В чём дело?! — ахнула Квенильда.

— Не могу… — выдавил он. — Контракт. Не пускает. Я думал, если ты прикажешь… Но нет.

— Ты привязан к Школе?! — догадалась она. — Как тебя отвязать?

Он вроде бы моргнул, но на самом деле это его глаза в темноте казались то открытыми, то закрытыми, как на стереооткрытке. Его начал пожирать астральный план.

— Только разорвать контракт. Но… Одельгард мёртв. Мой контракт с ним вечен… Если меня

развоплотит, Школа… не выстоит.

Его голос прерывался радиошумами, а от помех в изображении Квенильду снова замутило. Она зажмурилась и принялась соображать. Разорвать чужой контракт невозможно. Директор Одельгард — тот, что рулил Школой, когда она провалилась, — не оставил потомков, которые могли бы сделать это за него, а заместители вроде нынешнего директора имели лишь ограниченную самим контрактом власть над Аритоном.

Однако контракт с демоном составлялся на основании того, что его призвали с астрального плана и держат в реальности волей другой стороны. Квенильда услышала первый удар часов на ратуше, знаменовавший приближение полуночи. Разрыв цикла, смычка планов реальности. Аритон, навеки прикованный к Школе, держал её стены — вот, значит, как Одельгард решил проблему провала. Если печать Аритона развеется, Школа осыплется, а с ней и все дома на Холме со всеми жителями, мирно поднимавшими новогодние тосты.

Квенильда вывернула рюкзак прямо на снег и едва гнущимися пальцами разложила свои минералы и символы. Часы ударили в шестой раз. Аритон уже весь стал прозрачным, а мел-

кие искорки вились вокруг него смерчиками, постепенно поднимаясь и улетая в небеса. За пределами Школы контракт не действовал, и ничто не держало демона в реальности. Но вот если его прикрепить здесь другими методами…

Хорошо, что обряд Смычки был коротким. С двенадцатым ударом она выкрикнула последнее слово заклинания. Тут же все искры ринулись обратно в тело демона, наполняя его живой плотью, раскаляя докрасна. Он пылал посреди ночи, как звезда, готовая ко взрыву сверхновой, и Квенильда закрылась рукой, будто это помогло бы от облучения.

Грянул салют, а с ним музыка и крики поздравлений. Внизу, на площади, стукались кружки и звенели кубки, люди поздравляли друг друга, не подозревая, что Холм, высящийся над ними, сдерживает в себе легионы скверны, и стены его ещё стоят на одном только принуждении тёмной твари.

Аритон

Бельфегор вышагнул из Холма. Его босая нога соприкоснулась с морозной землёй и почувствовала вес его тела. Существовать целиком в реальности было непривычно. Он даже немного пошатнулся, но его поддержали холодные пальцы Квенильды. Аритон поморщился: ещё не хватало показаться слабым перед девчонкой. Он наконец-то добился своего: больше не нужно бояться, что любой чересчур сведущий коллега опознает в нём архидемона и отправит его обратно в чертоги ада. Теперь он был накрепко привязан к реальности и мог больше ничего не бояться. Никакого командования легионами, никаких кипящих котлов в жерлах вулканов, никаких идиотских приказов вроде того, чтобы соблазнить человечество на изобретение чего-нибудь, что заставит людей впадать в грех уныния — доказывай потом, что просмотр видео с котиками до четырёх утра как раз это и делает!

Нет уж, с Бельфегора достаточно. У него была полная ставка в лучшей магической школе мира, свой кабинет и ночи напролёт для исследований.

И пусть бывшие коллеги по аду шутили, что он сам соблазнился собственным искушением, Бельфегор, будучи демоном уныния, не предавался греху гордыни. Уныние в иных переводах превращалось в лень, а лень — двигатель прогресса. Вот Бельфегор и собирался его двигать, а в передовой магической школе у него для этого были все возможности.

Он расправил плечи и вдохнул полной грудью морозный воздух. Над Холмом небо расцветало залпами салюта. Печати Эгина мягко переливались на всех дверях и окнах Холма — пусть снаружи контракт не действовал и ни к чему его не обязывал, но в планы Аритона не входило позволять Школе рухнуть. Ему там ещё работать.

— Ыых, пошли скорее домой! — пыхнула ему в лицо паром Квенильда. — Я тут сейчас кони двину от холода!

Аритон отвлёкся от созерцания салюта, положил руку на спину девицы и влил в неё заряд жара. Снег вокруг её ног зашипел и растаял, но хотя бы она расслабилась. Правда, смотрела на него внезапно как-то робко и виновато. Аритон перебрал в уме все события последних часов, соображая, где это девица провинилась.

Изгонять она его не стала, хоть он и был уве-

рен, что падёт её жертвой. Позволила ему на время принять истинный облик, хотя сама могла свихнуться от этого зрелища. Не послала его на верную смерть в битве с другим архидемоном и всем его войском. А теперь ещё и привязала к плану реальности. Да он, вообще-то, ей по гроб жизни обязан. Её жизни, по крайней мере.

— Ты всё ещё желаешь рисовать мой портрет в жанре ню? — улыбнулся он, прикидывая, хватит ли этого, чтобы откупиться от долга.

— Ну… — Квенильда замялась. — Если ты всё ещё желаешь позировать…

Э-э, нет, если она уже сдала на попятный, за долг это не зачтётся. Аритон нахмурился.

— Чего ты от меня хочешь?

Квенильда попятилась, подняв на него настороженный взгляд.

— Уже ничего.

Аритон замер. То есть как это ничего?! А долг он как отдавать будет?! Мало ли, что ей взбредёт в голову лет через десять, он не намерен ходить под Дамокловым мечом неизвестно сколько! Ну уж нет, надо сделать так, чтобы она захотела, и как можно быстрее! Вот только Аритон не был демоном похоти. А с другой стороны… Девчонка ведь изобретатель.

— В таком случае, — очаровательно улыбнулся Бельфегор, — у меня есть к тебе деловое предложение.

— Э-э, какое? — осторожно заинтересовалась Квенильда.

— С меня ингредиенты для твоих изобретений, с тебя сердечный свет для моих исследований?

Девица расширила и без того круглые глаза.

— Ты… не сердишься?

Аритон сдвинул брови.

— На что?

— Ну, что я тебя… того… — она обрисовала невнятным жестом его фигуру. Раздела? Обесчестила? Что-то он такого не припоминал, увы. — Привязала к реальности.

Аритон расхохотался.

— Глупышка, я же именно этого и хотел! Да если бы не чёртов контракт, я бы сам провёл обряд Смычки, как только увидел у тебя минералы! Я даже рискнул почти развоплотиться, чтобы ты сжалилась и прочитала заклинание привязки! Я ведь мог просто выставить тебя из Школы и ничего не замораживать!

Лицо девицы неуловимо изменилось — из растерянного и виноватого в задумчивое, а потом в расчётливое.

— Хотел, значит.

Аритон запаниковал, ещё не понимая, в чём дело.

— Так ты мне теперь должен, — довольно заключила она.

Аритон открыл рот, но сказать было нечего. Болван, это же надо так попасться! А ещё думал, что не страдает гордыней!

— Но я же и предлагаю выплатить долг, — забормотал он.

— Конечно, — широко улыбнулась Квенильда. — Во-первых, ингредиенты будешь мне поставлять все, какие попрошу, по первому требованию.

Аритон быстро кивнул — это было самое простое. Лишь бы она не потребовала чего-нибудь невозможного вроде раскаяния или внимания на педсоветах.

— Во-вторых, поддержишь мою кандидатуру на профессорскую ставку, — загнула второй палец Квенильда.

Аритон снова покивал, в ужасе ожидая последнего требования.

— А в-третьих, будешь мне позировать ню столько, сколько я захочу!

У Аритона, должно быть, было очень глупое вы-

ражение лица, потому что девица рассмеялась:

— Да не бойся так, я вообще-то добрая, а тем более в новогоднюю ночь!

Аритон перевёл дух. Похоже, она просто развлекалась. Что ж…

— Может быть, сударыня по доброте душевной соблаговолит поделиться сердечным светом? — рискнул поторговаться он.

— Да легко, — улыбнулась Квенильда. В глазах её плясали праздничные огоньки. Аритон залюбовался.

— Тогда по рукам?

— Я придумала лучше, — она кивнула на крону растущего в нескольких шагах дерева. На фоне звёздного неба и салюта Аритон разглядел там шарики омелы. — Скрепим договор поцелуем?

И Аритон подумал, что почему бы и нет. Уж лучше, чем реками собственной крови, как это было с Одельгардом. Мягкие, улыбчивые губы Квенильды раскрылись ему навстречу, и Аритон позволил себе поддаться этому искушению. Под её тонкой кожей бурлили потоки сердечного света, так что Аритон касался её очень бережно, чтобы не обжечься. Омела спутала их вместе своими узами, похожими на новогодние гирлянды. Даже разорвав поцелуй, Аритон чувствовал

притяжение к девушке в его объятьях.

— О чём ты думаешь? — кокетливо спросила она.

— О том, почему после каждого выстрела в тебе становилось больше сердечного света, а не меньше, — честно признался Бельфегор и тут же поморщился: в такой момент девица наверняка ждала чего-то более романтичного.

Как ни странно, она покраснела.

— Ты их так впечатляюще расшвыривал… Это, м-м, вдохновляло. Я бы даже сказала, воодушевляло.

— М-м, — протянул Аритон и погладил Квенильду по щеке, потом спустил пальцы на её нежную шею и ниже, огладив чувственные округлости её тела. — Так?

Она раскраснелась ещё больше и засияла сердечным светом, подтверждая его догадку.

— Хочешь исследовать влияние контакта с демонами на выработку сердечного света? — хмыкнула она, прижимаясь ближе. — Тогда придётся всё-таки пойти ко мне домой.

— С демонами? — делано возмутился Аритон.

— С одним конкретным демоном.

— А подопытная согласна? — мурлыкнул Бельфегор.

— Подопытная сгорает от… хм, назовём это любопытством, — не уступила Квенильда и потянула его по пряничной улице к своему дому.

Домишка был так себе построен и не сильно ухожен, но с точки зрения Аритона там были два больших блага: отсутствие гирлянд из сердечного света и присутствие Квенильды, пригласившей его через порог.

— Не боишься впускать в свой дом опасных тварей? — прикрыл он шуткой любопытство.

— Ты меня столько раз спас за сегодняшнюю ночь, а теперь подумываешь сожрать?

— Ну, определённого рода голод ты у меня вызываешь, — усмехнулся Аритон, окидывая её выразительным взглядом.

— В таком случае, надеюсь, ты любишь подольше посмаковать главное блюдо, — в тон ему ответила Квенильда.

Ему определённо нравилось с ней заигрывать. Конечно, с человеческой женщиной придут человеческие проблемы, и после красивой ночи будет унылое составление рапорта о дежурстве, в котором нужно будет как-то изгаляться, чтобы не разболтать тайну профессора Бельфегора, будет служебное расследование — Аритон уже примерно догадывался, что преподаватель гоетии

поставил пересдачу на предпраздничный день в полной уверенности, что за студентами подчистят, а заведующего отделением не уведомил… Будут выборы на профессорскую должность, перед которыми Аритону придётся как следует пособлазнять прочих кандидатов ленью и праздностью. Но взамен по этому новому договору Аритон получал сообщницу, боевую подругу, от которой не надо было прятаться, ждать пренебрежения или страха. Меньше всего на свете Аритон в эту ночь ожидал чуда. Но оно осенило его земной путь — чудо понимания, доверия и принятия.

Уже под утро, когда сообщница уснула, Аритон встал и прошёлся по дому. Ему сон не требовался, так что он мог посвятить это время утолению своего любопытства. Смотреть тут, впрочем, было не на что: он посмеялся над зарисовками легионеров, занимавшими две полки в единственном новом предмете мебели в этом обшарпанном доме. Если ему теперь предстояло часто делить постель с Квенильдой, надо бы озаботиться жильём поприличней.

Он присел у изножья кровати и принялся рассматривать лицо спящей девушки. Обычно ночи он проводил за работой, но сейчас заняться было

нечем, и впервые за много лет Аритон просто сидел и размышлял — о планах, которых у него никогда раньше не было, о прошлом, с которым он надеялся никогда больше не встретиться, и об этой странной судьбоносной встрече. Вот так живёшь со времён сотворения мира и не знаешь, что есть на свете девица, способная пойти против всех демонов Преисподней с собственноручно обмотанным скотчем водяным пистолетом. А ведь она даже не боялась. Ни архонтов, ни герцогов, ни его. Что с ней стало бы, если бы не он?

Аритон хорошо узнавал указующий перст судьбы, когда тот щёлкал его по лбу. И ещё лучше знал условия всех своих контрактов. Ни в одном из них не значилось защищать эту девицу от её собственной храбрости. И если Аритон собирался это делать, то винить в принуждении было больше некого.

Он обошёл кровать и скользнул под одеяло, прижимаясь к тёплому мягкому боку своей новой судьбы.

Новый виток, новый цикл. Кольцо разомкнулось и потянулось уровнем выше, превращаясь в спираль. Этот год будет для него поистине новым.